

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

10 марта 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н.В.Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Т.А.Бержаниной, А.А.Васильева и А.Л.Васильевой,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане Т.А.Бержанина, А.А.Васильев и А.Л.Васильева оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: части третьей статьи 124, устанавливающей порядок рассмотрения жалобы прокурором и руководителем следственного органа;

частей седьмой и восьмой статьи 246, наделяющих государственного обвинителя правом отказаться от обвинения или изменить его; статьи 252, определяющей пределы судебного разбирательства.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, приговором Красносельского районного суда города Санкт-Петербурга от 8 декабря 2014 года гражданин К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 114 УК Российской Федерации, а именно в умышленном причинении при превышении пределов необходимой обороны тяжкого вреда здоровью П.А.Васильева – сына А.Л.Васильевой и брата Т.А.Бержаниной и А.А.Васильева, признанных потерпевшими по данному уголовному делу. Тем же приговором осужденный освобожден от отбывания назначенного наказания в связи с фактическим его отбытием. Постановляя приговор, суд согласился с позицией государственного обвинителя, который в прениях сторон изменил ранее предъявленное К. обвинение путем переквалификации содеянного с части первой статьи 105 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку, на часть первую статьи 114 этого Кодекса.

Жалобы, которые были направлены в прокуратуру представителем потерпевших и в которых оспаривалась правомерность указанной позиции государственного обвинителя, письмом начальника уголовно-судебного управления прокуратуры Санкт-Петербурга возвращены без рассмотрения со ссылкой на статью 124 УПК Российской Федерации и разъяснением возможности подать жалобу в порядке данной статьи лишь в период досудебного производства по уголовному делу. Апелляционным определением и кассационным постановлением Санкт-Петербургского городского суда отклонены доводы жалоб, поданных в интересах потерпевших, о виновности осужденного в совершении убийства, приговор в части его осуждения по статье 114 УК Российской Федерации оставлен без изменения.

Т.А.Бержанина, А.А.Васильев и А.Л.Васильева полагают, что часть третья статьи 124, части седьмая и восьмая статьи 246 и статья 252 УПК

Российской Федерации противоречат статьям 2, 17, 18, 19 (часть 1), 21 (часть 1), 45, 46, 52, 55, 118, 120 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в их взаимосвязи и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, наделяют изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения свойством обязательности для судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, предопределяя принятие судами соответствующего решения вне зависимости от позиции потерпевшего, не согласного с мотивами такого изменения. Заявители также усматривают нарушение своих прав в том, что названные нормы не предусматривают специального механизма проверки законности изменения прокурором обвинения в сторону смягчения при рассмотрении уголовного дела судами первой и последующих инстанций, не позволяя потерпевшему оспорить такое изменение как путем обращения к вышестоящему прокурору, так и посредством обжалования решения суда, согласившегося с позицией государственного обвинителя вопреки возражениям потерпевшего.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях, а также в целях охраны иных конституционных ценностей, включая законность, правопорядок и общественную безопасность, требует законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний, посягающих на охраняемые ею ценности, и наказания за нарушение таких запретов, притом что правосудие по уголовным делам должно осуществляться при обеспечении права на судебную защиту как потерпевшим от преступлений, так и лицам, преступившим уголовный закон (статья 1, часть 1; статьи 2 и 17; статья 21, часть 1; статья 22; статья 23, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1).

В силу статей 46–52, 118 (части 1 и 2), 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской Федерации судебная функция разрешения уголовного дела и

функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующие субъекты. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства, в ходе производства по делу, руководствуясь принципом состязательности, не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П).

3. Нормы уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют порядок и правовые последствия изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, а также закрепляют права потерпевших в уголовном процессе, неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в Постановлении от 20 апреля 1999 года № 7-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что по смыслу статей 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение; не устраненные ими сомнения в виновности обвиняемого в силу статьи 49 (часть 3) Конституции Российской Федерации толкуются в пользу последнего. В Определении же от 5 июля 2000 года № 150-О Конституционный Суд Российской Федерации, отвечая на вопросы Генерального прокурора Российской Федерации, просившего разъяснить данное Постановление, указал, что отказ прокурора и потерпевшего от поддержания обвинения в суде (полностью или частично) должен приводить – в системе действующих уголовно-процессуальных норм при их конституционном истолковании – к вынесению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или

обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

Данная правовая позиция получила свое развитие в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П, вынесенном по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности, в частности, положений частей седьмой, восьмой и девятой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 УПК Российской Федерации, предусматривающих вынесение судом решения об осуждении подсудимого за менее тяжкое преступление в случае изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения: Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул необходимость мотивированного обоснования такого изменения.

Нашли свое отражение приведенные правовые позиции и в практике судов общей юрисдикции. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам, что в соответствии с частями седьмой и восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем (пункт 29 постановления от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»); в случаях изменения государственным обвинителем в ходе судебного заседания обвинения в сторону смягчения либо при частичном отказе от обвинения председательствующий судья должен вынести постановление о продолжении разбирательства дела в объеме обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем (пункт 9 постановления от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»).

4. В Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации признал положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации применительно к случаям, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства судом установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления, – поскольку действующее правовое регулирование не позволяло при таких условиях возратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом.

Как указано в названном Постановлении, разрешая уголовное дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование; при этом состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом указанными в законе органами и лицами, а также потерпевшими; возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять их деятельность по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписанием статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют ее статья 120 (часть 1), статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что поскольку в силу статей 49 (часть 1), 118 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положения статей 1, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» признание лица виновным в

совершении преступления составляет исключительную компетенцию судебной власти, а судьи как ее представители при осуществлении правосудия подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, постольку рассмотрение судом находящихся в его производстве дел предполагает наличие у него возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права, равно как и обязанности вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников судопроизводства.

Государственный обвинитель – поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры – является единственной процессуальной фигурой, выполняющей в судебном разбирательстве функцию уголовного преследования со стороны государства. Если государственный обвинитель изменяет обвинение на менее тяжкое, то фактически состязательность процесса в соответствующей части прекращается. Кроме того, в рамках состязательного процесса и подсудимый, и его защитник выстраивают свою позицию, сообразуясь с объемом предъявленного обвинения, поддержанного государственным обвинителем в судебном заседании. При этом изменение обвинения в сторону смягчения должно быть мотивированным и обоснованным ссылкой на предусмотренные законом основания. В свою очередь, суд, принимая решение, обусловленное позицией государственного обвинителя, обязан не просто рассмотреть мотивы его действий, но и в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, установить обоснованность такого изменения, для чего необходимо исследовать обстоятельства дела, проверить и оценить собранные и представленные суду доказательства. Лишь по результатам этой процедуры может быть принято судебное решение, законность, обоснованность и справедливость которого возможно проверить в вышестоящем суде (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря

2003 года № 18-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 года № 393-О, от 16 декабря 2010 года № 1711-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1219-О-О, от 25 января 2012 года № 105-О-О, от 25 сентября 2014 года № 1904-О и от 10 февраля 2016 года № 226-О).

Суд же апелляционной инстанции, установив, что позиция государственного обвинителя, изменившего обвинение в сторону смягчения, очевидно ошибочна и что фактические обстоятельства, на которые он ссылается при изменении обвинения, равно как и обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении либо установленные в ходе судебного разбирательства, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, и при наличии жалобы потерпевшего на приговор, которой инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которой поставлен вопрос об ухудшении положения обвиняемого, вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом согласно части первой³ статьи 237 УПК Российской Федерации обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправомерным, что соответствует правовым позициям, изложенным Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П и Определении от 14 января 2016 года № 15-О.

5. Из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами. Гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, – решение этого вопроса возлагается на

федерального законодателя, который, в свою очередь, вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов таких лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 года № 28-П). При этом институциональные и процедурные условия осуществления права на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию нанесенного преступлением ущерба должны не только предотвращать неоправданные задержки при рассмотрении дел, но и отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов.

Основанием уголовной ответственности Уголовный кодекс Российской Федерации называет совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного этим Кодексом (статья 8), а в числе принципов уголовной ответственности закрепляет принцип вины, в силу которого лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (часть первая статьи 5), и принцип справедливости, требующий, чтобы наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, соответствовали характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть первая статьи 6). Как следует из приведенных законоположений, определение основания и условий привлечения к уголовной ответственности, назначение справедливого наказания и иных мер уголовно-правового характера относятся к сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Соответственно, производство по уголовному делу, имеющее своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, равно как уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания либо отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от

наказания (статья 6 УПК Российской Федерации) не могут осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 16-П).

Потерпевший, согласно пункту 47 статьи 5 УПК Российской Федерации, относится наряду с иными участниками уголовного процесса к стороне обвинения и наделен согласно статье 22 этого Кодекса правом на участие в уголовном преследовании, обладая определенным объемом правомочий. На стадии судебного разбирательства по делам публичного и частно-публичного обвинения он вправе, помимо прочего, участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, выступать в судебных прениях, знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, обжаловать приговор, определение, постановление суда (статья 42 УПК Российской Федерации). Однако в силу особенностей своего статуса потерпевший не наделяется правом предопределять осуществление уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения и его пределы, самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде. В делах данной категории потерпевший осуществляет добавочное (дополнительное) обвинение по отношению к государственному обвинителю, который поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (часть третья статьи 37 УПК Российской Федерации).

Оспариваемые Т.А.Бержаниной, А.А.Васильевым и А.Л.Васильевой законоположения не лишают потерпевших возможности изложить суду свое мнение, в том числе относительно позиции государственного обвинителя, путем заявления различного рода ходатайств, выступления в прениях сторон, а также, обжалуя вынесенное судом решение, подвергать сомнению его законность или справедливость в вышестоящем суде. Из представленных заявителями материалов следует, что процессуальные возможности участия в уголовном преследовании ими как потерпевшими были реализованы; оценка

содеянного подсудимым как менее тяжкого преступления была предложена государственным обвинителем в прениях сторон, после завершения проведенного с участием потерпевших судебного следствия, с учетом исследованных доказательств; суд первой инстанции признал позицию государственного обвинителя мотивированной; оценивая вынесенный приговор, суд апелляционной инстанции не ограничился формальной ссылкой на изменение обвинения в сторону смягчения, но проанализировал доводы апелляционной жалобы о предположительно допущенной судебной ошибке в части неверной квалификации преступления.

Таким образом, жалоба заявителей, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению. Кроме того, в материалах, приложенных к жалобе, отсутствуют копии судебных решений, подтверждающих применение статьи 124 УПК Российской Федерации при рассмотрении конкретного дела заявителей.

Проверка же законности и обоснованности состоявшихся в их деле судебных решений в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не входит.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 457-О